

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Проводимые ВЦИОМ с 1989 года раз в пять лет исследования по программе "Советский человек", равно как и другие мониторинговые исследования этого центра, дают в руки ученых огромный материал для обобщений. В этом обилии материала особое место занимают данные, свидетельствующие о том, что в поведении, привычках, в самой сущности массового российского человека подверглось за прошедшее десятилетие кардинальным изменениям, что осталось неизменным, а в каких случаях просто происходят мутации глубоко укоренившихся в советские времена стереотипов. В предлагаемой вниманию читателей статье Ю. Левады затронуты лишь некоторые, но, на наш взгляд, очень важные черты "человека постсоветского"¹.

Ю.А. ЛЕВАДА

Homo Post-Soveticus

Человек приспособленный

Проблема приспособления человека к изменившейся социальной среде становится предельно острой и общезначимой в условиях крутых общественных переломов, когда практически все общественные силы и группы оказываются перед выбором вынужденного приспособления или самораспада. Результатом советского эксперимента стал не столько тотально новый человеческий тип, сколько человек, тотально приспособившийся к советской реальности, готовый принять ее как безальтернативную данность. В закрытом со всех сторон - в том числе от собственной реальной истории - обществе выростали поколения, не имевшие представления о каком-либо ином образе жизни, кроме заданного. Безальтернативность придавала всеобщей приспособленности значение привычки, т.е. не расчлененной и не подлежащей анализу массово-поведенческой структуры.

В категории приспособившихся оказались люди из самых разных социальных групп - фанатики революционного авантюризма, остатки бывших элит, равно как и бывших низов, т.е. крестьяне, мещане, рабочий люд и др. Никакие революционные мечтатели и организаторы "переворачивания России" после 1917 года не были готовы к его реальным последствиям. Обстоятельства заставили приспособляться к новой жестокой реальности и ее внутренних оппонентов, и надеявшихся остаться в стороне. Социальный и политический перевороты сопровождалась относительно быстрыми - а значит, минимально подготовленными - процессами массивной урбанизации, "тяжелой" индустриализации, раскрестьянивания села, технизации, массового образования и т.д. Причем все эти процессы происходили в условиях массовой социальной мобилизации и напряженности - в условиях террора.

¹ Подробнее об этом см. [1].

Приспособление могло быть ориентировано по-разному - от примитивного выживания до использования возможностей новых инструментальных (например связанных с технической грамотностью), организационных и карьерных образцов. Адаптация достигалась за счет снижения уровня требований (как потребительских, так и ценностных), путем переоценки символов (например переход от эгалитарных к иерархически-распределительным ценностям), через смену ролевых и инструментальных функций (крестьяне становились работниками госпредприятий, представители свободных профессий - государственными служащими, политические лидеры - чиновниками аппарата) и т.д.

Но и самая устойчивая адаптация не означает полной ассимиляции человека с системой социальных требований. Советский строй не создал нового, "простого", полностью социализированного человека, образ которого создавали радикальные мечтатели и который до конца своего властвования использовала официальная пропаганда. На деле сформировался не "простой", но лишь "упрощенный" в своих представлениях и запросах человек. И не новый, а лишь более или менее прочно приспособленный к заданной и неотвратимой социальной реальности. На уровне отдельного человека вся присущая советскому строю система сделок с государством неизбежно оборачивалась нравственной коррумпированностью, принятием показухи, приписок, блата, взяточничества, двоемыслия в качестве необходимых условий функционирования хозяйства и общества. Крушение советской системы не принесло в этот котел ничего принципиально нового, но лишь устранило те социальные и институциональные (карательные) регуляторы, которые ограничивали влияние коррумпирующих механизмов.

Относительная быстрота и легкость этого краха - по крайней мере его официальной стороны - показали, насколько неустойчивым был на деле определяющий для социализма компромисс между государством и человеком. И в то же время выяснилось, насколько неготовым оказался советский человек для вставания в ситуацию, возникшую после разрушения привычной социальной "крыши".

Существенно, что снова, в третий раз с середины прошлого столетия (как после и 1861 года, и 1917 года), возникла ситуация всеобщего и вынужденного приспособления человека к изменившейся среде существования. Всеобщего, поскольку адаптироваться к новым условиям приходится решительно всем - и ярким противникам, и убежденным сторонникам демократически-рыночной цивилизации, и тоскующим по великому прошлому, и заинтересованным только в собственном благополучии. В очередной раз - в ситуации вынужденного, как будто извне навязанного, но уже совершенного выбора; пока далеко не привычного, но уже принимаемого как данность. Так, в современной политической полемике, раздирающей все общество, речь идет не столько о выборе пути для страны, сколько о том, сможет ли общество (или народ) адаптироваться к сделанному выбору. В практической же плоскости решается вопрос о том, какой ценой достигается приспособление к изменившейся системе авторитетов и ориентиров.

Вынужденная адаптация отнюдь не означает примирения, согласия, одобрения. Общественную ситуацию нельзя игнорировать, но ее можно оспаривать, осуждать, можно искать в ней ниши для более спокойного и отрешенного существования (на деле эти ниши всегда приходится "покупать" за определенную цену). Беспрецедентные возможности социального, ценностного, нравственного выбора при распаде привычных и принудительных регулятивных механизмов создают условия для разных уровней и типов социальной адаптации, которые подлежат анализу с различных сторон. У исследователей имеется возможность аналитически и эмпирически представить различные стороны этого достаточно сложного феномена.

Прежде всего на основе регулярных исследований ВЦИОМ можно показать самые очевидные изменения за последние пять лет. Наиболее заметно увеличилась доля дающих ответ "не могу приспособиться к переменам" среди старшей возрастной группы, а также - что заслуживает особого внимания - среди самых молодых. В млад-

шей возрастной группе на том же уровне остался показатель "без изменений", во всех других группах он стал значительно ниже. Процент тех, кому "приходится вертеться", сильно вырос во всех группах, кроме старшей (55 лет и старше), которая просто не имеет возможностей для такого рода адаптивного поведения. Ни в каком возрасте не выросла, а в самом активном (25—40 лет) даже несколько уменьшилась доля отмечающих "новые возможности".

Граждане, имеющие высшее образование, составляют единственную группу, в которой доля "неприспособляемых" осталась неизменной и относительно невысокой (те же 16%), не изменилась практически и доля получивших "новые возможности". Зато снизилось число не изменивших своего положения, и сильно (с 33% до 41%) вырос процент "вынужденных вертеться". Люди со средним образованием значительно чаще признают, что "не могут приспособиться к переменам", но реже отмечают отсутствие перемен, среди них резко возросла (с 33% до 45%) доля вынужденных "вертеться" - это самый весомый показатель частоты такого варианта поведения для всех групп населения. Наличие "новых возможностей" в этой группе отмечают несколько реже, чем ранее (соответственно, 6% и 4%). У имеющих образование ниже среднего возросла доля "неприспособляемых" (с 27% до 46%) и уменьшилась доля отмечающих отсутствие перемен. При этом без изменения остались показатели вариантов "вынуждены вертеться" (видимо, за отсутствием реальных возможностей и ресурсов для этого) и "новых возможностей" - поскольку ниже 3% этому показателю опускаться как будто и некуда.

В Москве и Петербурге, как и везде, возросла доля считающих, что они "не могут приспособиться", и уменьшился процент не отмечающих особых перемен в своем положении. Но здесь осталось неизменным довольно высокое число "вынужденных вертеться" (те же 38% - можно полагать, что соответствующий потенциал был исчерпан уже пять лет назад) и заметно (с 7% до 12%) увеличилась доля указывающих на "новые возможности". В больших городах доля "вынужденных вертеться" значительно возросла и лишь немного отличается от "столичных" показателей (34%). В малых городах соответствующий показатель достигает своего максимального значения (41%). Здесь, как и в селах, чаще отмечают невозможность приспособиться к переменам и необходимость "вертеться", реже - неизменность своего положения и наличие "новых возможностей".

В целом можно сказать, что "не могут приспособиться" преимущественно представители старших возрастов (73% старше 40 лет, в том числе 50% старше 55 лет). В их числе вдвое меньше среднего людей, имеющих высшее образование, заметно больше среднего малообразованных. Состав группы, не отмечающей особых изменений, мало отличается от средних показателей. "Вертеться" чаще всего приходится в самых активных возрастах (70% в этой группе составляют те, кому от 25 до 54 лет, при том, что в общем составе населения к их числу относится половина). Из тех, кто активно адаптируется к постоянно ухудшающимся условиям, 72% - люди, имеющие среднее и высшее образование. Что же касается находящихся "новые возможности", то в их числе 72% тех, кому до 40 лет, и 77% тех, у кого высшее и среднее образование. Общий вывод напрашивается довольно простой: имеющие социальные ресурсы (молодость, образование) более активны.

Добавим некоторые профессиональные характеристики вариантных групп. Почти половина неприспособляемых - это пенсионеры, за ними по численности следуют рабочие, безработные, специалисты; в этой группе совсем не представлены предприниматели и военные. Более половины из тех, кто не замечает перемен в своем теперешнем положении, - пенсионеры и рабочие. В группе "вынужденных вертеться" 60% приходится на рабочих, специалистов и пенсионеров. И, наконец, среди "находящих новые возможности" чаще всего встречаются предприниматели, специалисты, руководители, причем около трети этой группы работает в негосударственном секторе. Естественно, ни одна из выделенных групп не может быть полностью социально однородной: в каждой из них в разной мере представлены почти все общественные слои.

Масштаб перемен (100% по столбцу)

Варианты ответов	Год	Типы адаптивного поведения			
		Не могу приспособиться	Ничего не изменилось	Приходится "вертеться"	Открылись новые возможности
Произошли большие изменения	1994	58	47	63	68
	1999	59	51	61	73
По сути ничего не изменилось	1994	12	1811	10	128
	1999	10		10	
Недавно казалось, что жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому	1994	19	21	16	13
	1999	19	23	20	12
Затруднились ответить	1994	1112	14	119	7
	1999		15		7

Таблица 2

Оценка респондентами конкретных перемен (100% по столбцу)

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		Не могу приспособиться	Ничего не изменилось	Приходится "вертеться"	Открылись новые возможности

Что принесла России такая перемена, как свобода предпринимательства?

Больше пользы	50	35	51	59	89
Больше вреда	25	31	22	24	5
Затруднились ответить	25	34	26	17	6

Что принесла России такая перемена, как сближение со странами Запада?

Больше пользы	38	24	42	46	59
Больше вреда	23	32	19	21	17
Затруднились ответить	39	44	39	33	24

Обратимся теперь к оценкам различными адаптивными группами масштабов перемен, происшедших в 1994 и 1999 годах (см. табл. 1). Очевидно, что общие оценки масштабов изменений в выделенных группах за пятилетие изменились довольно мало (что показывает определенную устойчивость групповых рамок). Представления о значительности перемен возросли во всех группах, причем - что весьма примечательно - особенно сильно среди тех, кто считает эти изменения незаметными.

Если же оценивать "знак" (одобрение или неодобрение) происходящих перемен, то получается вполне предсказуемая картина всеобщей демонстративной ностальгии по состоянию до 1985 года. Согласных с тем, что "было бы лучше, если бы все в стране оставалось... как до 1985 года" 58%, в том числе 73% среди неприспособившихся, 49% среди считающих, что ничего не изменилось, 55% среди "вертящихся" и 24% у тех, кто открыл для себя новые возможности. Основные корни этой ностальгии - в преобладающей резко отрицательной оценке положения в последние годы, И годы пере-

стройки М. Горбачева, и время правления Б. Ельцина во всех интересующих нас группах характеризуются весьма негативным образом.

Картина несколько меняется, если перейти к более детальному рассмотрению отдельных направлений происшедших перемен. Ограничимся двумя примерами (см. табл. 2). Получается, что свобода предпринимательства во всех адаптивных группах оценивается скорее позитивно; сближение с Западом осуждается большинством лишь в группе неприспособляемых. И, наконец, интересно рассмотреть такой интегральный показатель более или менее практического отношения к переменам, как суждения о необходимости продолжения или прекращения экономических реформ. За прошедшие пять лет в целом отношение к реформам стало более определенным (меньше затрудняющихся ответить) во всех группах. В той или иной мере (больше всего, естественно, среди получивших новые возможности и среди вынужденных "вертеться") во всех группах уровень позитивной оценки реформ поднялся.

Получается удивительный, на первый взгляд, парадокс: *никто не любит перемен, но при этом ни в одной группе нет большинства, которое выступало бы против них*. Люди нехотя принимают как данность вынужденные и не желаемые большинством перемены, которые оказались неожиданными практически для всего населения.

Попробуем теперь разобраться в эмоциональном балансе, который можно наблюдать среди различных адаптивных групп. Позитивные чувства (надежда, уверенность, свобода и т.д.) явно преобладают только в небольшой группе, получившей новые возможности. Правда, здесь же и максимум "одиночества" (видимо, сказывается не только малочисленность, но и сам характер деятельности авантюрного предпринимательского и близких к нему слоев). Не утратили надежды, чувства достоинства, в какой-то мере даже свободы и уверенности в группе не замечающих никаких изменений. Безразличие ощущает почти половина в группе неприспособленных и в группе вынужденных "вертеться", в этих же группах и более распространены чувства обиды и отчаяния. Можно обнаружить, правда, одно существенное отличие: агрессивность минимальна в группе неприспособленных (10%) и чаще всего (16%) встречается в группе тех, кому приходится "вертеться": постоянная необходимость напряженных усилий и метаний, видимо, порождает и эмоциональную неуравновешенность.

Свободными чувствуют себя 73% открывших новые возможности (нет - 16%); 46% - считающих, что ничего не изменилось (нет - 45%); 37% среди тех, кому приходится "вертеться" (нет - 54%) и только 22% среди неприспособившихся (нет - 62%). Но при этом людей, считающих себя *счастливыми*, в стране заметно больше, чем свободных. Если в среднем соотношение счастливых и несчастливых составляет 49 : 37, то в группе открывших новые возможности это 72 : 17 (здесь нет "совершенно несчастливых"!) и только в группе неприспособившихся несчастливые преобладают - 35 : 49.

Обратимся теперь к серии данных исследований типа "Экспресс". На протяжении последних лет в них регулярно ставится квазиэкспертный вопрос "Как Вы думаете, большинство жителей уже приспособились к происшедшим переменам?", с 1998 года параллельно ставится вопрос о том, приспособилась ли к переменам семья самого опрошенного. Сопоставимые данные за два года создают впечатление, что практически никакой динамики показателей "приспособления" не наблюдается, заметно лишь их колебание вокруг некоторого среднего уровня. В то же время нетрудно заметить определенное соответствие тенденций изменения показателей типа "уже приспособились" и типа "перемены идут в правильном направлении". Представляется вполне вероятным, что изменения в оценках общей приспособленности близки изменениям (но, конечно, не уровню) в столь же общих позитивных оценках ситуации в стране. Причем при сопоставлении ситуации в стране и в семье четко прослеживается гораздо более негативная оценка первых, чем вторых. Можно полагать, что источником мнений о положении "большинства в стране" служат сообщения СМИ, тогда как мнения о собственном положении опираются на непосредственный опыт

человека. На деле происходит более сложное взаимодействие и взаимная проекция источников.

Получается, что "уже приспособленных" в ответах на личный вопрос во всех группах (кроме, пожалуй, самых молодых) заметно больше, чем в ответах на экспертный вопрос. В ответах же на вопрос о возможности приспособления "в ближайшем будущем" соотношение показателей прямо противоположное: чаще полагают, что приспособятся другие. Личный опыт побуждает и к увеличению доли негативных позиций ("никогда не приспособятся").

В заключение хотелось бы коснуться одного принципиального методологического сомнения: насколько правомерно относить к типам адаптивного поведения позицию, которую респонденты определяют как "не могу приспособиться". Одна из моих задач состоит в подтверждении того, что такая позиция реально означает один из типов (или даже некоторую совокупность типов) адаптивного, приспособительного поведения. Характерные особенности структуры выделенных в исследовании поведенческих вариантов можно представить следующим образом:

- открывшие для себя новые возможности - люди, которые обрели новые инструментальные средства для удовлетворения собственных растущих запросов (*"новышающая адаптация"*);
- вынужденные "вертеться" используют непривычные для них средства для поддержания наличного, или сниженного, статуса (*"понижающая адаптация"*);
- считающие, что для них ничего особенного не изменилось, находят определенную нишу, из которой происходящие перемены не видны или кажутся малозначительными (*"изолирующая адаптация"*);
- неприспособляемые - те, кто определяют свое положение в терминах "не могу приспособиться", т.е. люди, вынужденные предельно снижать уровень собственных запросов и статусных притязаний и крайне негативно оценивающие такое снижение (*"разрушающая адаптация"*).

Следует подчеркнуть, что ни один из выделенных (с какой-то долей условности) адаптивных типов не совпадает полностью с какой-либо из рассматривавшихся в статье групп - "типичными" можно считать только наиболее устойчивые и консистентные по своим признакам "центры", или "ядра", таких групп. Ни один из вариантов адаптивного поведения в наличных социально-исторических условиях не может быть устойчивым. В опросных данных это обычно выражается как ощущение неуверенности в будущем; такая черта свойственна носителям как "новых", так и "старых" типов поведения.

Человек недовольный: протест и терпение

Общепризнанная, подтвержденная множеством наблюдений и эмпирических исследований особенность массовой реакции на нескончаемую череду испытаний, лишений, тягот, которые приходится испытывать человеку в российском обществе на протяжении практически всей досоветской, советской и нынешней, постсоветской истории, - безусловное преобладание терпения над активным протестом, приспособления - над бунтом, пассивного недовольства - над борьбой за свои права.

Для сторонних наблюдателей (а также для подверженных соблазнам "революционных взрывов" или страхам перед ними) ощущение парадоксальности происходящего в современное России явно усиливается в обстановке, когда социальные настроения перестали быть молчаливыми, получили выход в политические институты, масс-медиа, на "улицы". Чтобы преодолеть видимый парадокс, нужно определить те социальные условия и структуры, которые формируют и поддерживают такое сочетание (а точнее, взаимодействие) недовольства и терпения в обществе. Апелляции к отечественной традиции ("всегда так было"), к особенностям национальной психологии ("хотим малого, ждем худшего, терпим все" и т.п.), или к неэффективности современного социального недовольства ("фоновое") констатируют бес-

спорные факты, но не объясняют их. Объяснение же в рамках социологического исследования проблемы должно, по-видимому, учитывать те особенности социальных институтов и структур интересующего нас общества, которые обесценивают массовое недовольство, направляют его в русло пассивного терпения или в сторону поисков "внешнего" источника зла и т.п.

Традиционно советский человек характеризовался своими политическими (и литературно-художественными) воспитателями как абсолютно лояльный и доверяющий власти, довольный своим положением и уверенный в светлом будущем. Реальный массовый человек в те времена, конечно, не был существом абсолютно безмятежным, однако у него отсутствовали не только легитимные возможности выразить свое недовольство, но и условия для того, чтобы его осознать. Принудительное единодушие поддерживалось не только страхом наказания за малейшее отклонение от требований, но и - что даже важнее - самой ситуацией безальтернативности, отсутствия "точки опоры" для сравнения и оценки действий.

В связке современных ностальгических настроений и оценок содержится и представление о том, что "раньше" подобного нынешнему уровню массового недовольства не было. Такого типа и тем более так выраженного недовольства - действительно не было и быть не могло. "Застойные" времена заслуживают своего наименования именно из-за того, что будущее не отличалось от прошлого ("своего" прошлого, поскольку "чужое" оставалось за пределами массового восприятия). Сегодня такие различия ощутимы, сравнения как бы автоматически заданы, результаты их часто печальны. От 2/3 до 3/4 российского населения считают, что живут хуже, чем раньше, значительно хуже, чем рассчитывали, и - сверх того - хуже, чем большинство окружающих людей. Последнее представление ("хуже других") показывает, сколь велика доля субъективных установок - в данном случае установок на "сравнительное самоунижение" в оценках людьми собственного положения.

Особая и чрезвычайно важная (практически и теоретически) проблема - способ выражения общественного недовольства. "Гласность" первых лет перестройки вынесла наружу различные его тенденции - и тут же обнаружилось отсутствие адекватного социального и политического языка, способного их выразить, и адекватных структур, в которых этот язык мог бы работать (программ, партий, элит). Отсюда преобладание "настроенческого", эмоционального протеста, который довольно быстро стал вырождаться и укладываться в традиционные формы "советского" патернализма и патриотизма.

Механизм социально-политической мобилизации (и такие его индикаторы, как условно-"единодушная" поддержка символов и действий власти), сформированный ранее, сохранял свое значение и в годы расцвета перестроечных надежд. Понадобилась политическая поляризация 1993 года, чтобы хаос и тяготы реформ превратились в базу устойчивого и все более широкого социального недовольства. Стоит подчеркнуть, что такое массовое настроение не возникло ни после первых вспышек забастовочной борьбы в 1989 году, ни после пустых полок и кошельков 1992 года. Демонстративная поддержка реформ оставалась преобладающей, да и Е. Гайдар находился на вершине общественного доверия после своего ухода из правительства в конце 1992 года (кстати, это хороший довод против упрощенно-потребительской трактовки, современного социального протеста!).

Легитимация консервативной социально-политической оппозиции (в массовом сознании) сыграла огромную роль в преодолении структур и традиций мобилизационного общества. Монолитное принудительное единство - как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд - было разрушено усилиями сторонников "монолитной" модели общества. Вместе с тем, как бы попутно, получило право на существование само общественное недовольство, причем самой разной направленности (скажем, одни недовольны быстротой перемен, другие - их медлительностью, третьи - самими переменами). Вопрос, однако, в том, кто и как артикулирует (а тем самым и организует) общественное недовольство.

Как показывает время, никакие социальные структуры, институты и механизмы, разрушавшиеся или обесцененные переменами 80-90-х годов, не были разрушены "до основания". Это относится и к механизму массовой социально-политической мобилизации. В усеченном и ограниченном виде (на ограниченный период, в ограниченной сфере, для части населения и т.д.) мобилизационные механизмы могут включаться и в расколотом, недовольном обществе.

Прежде всего, следует отметить особенности таких поведенческих категорий, как почти универсальное ("диффузное") недовольство, массовые настроения (направленного) протеста и организованная борьба за достижение определенных общественных целей. Недовольство, как будто направленное "на все" - от собственного положения до положения страны и политики ее руководителей и пр., - в то же время практически не направлено никуда: это некое довольно устойчивое состояние общественного мнения, некий общий фон для всех его параметров и колебаний. На таком фоне происходят и всплески одобрения действий отдельных политических лидеров, и вспышки острого общественного недовольства (возможно, теми же лидерами), которые потом переходят в форму хронического, "фонового" недовольства, расходясь по каналам "мобилизованной" агрессивности и дополняющих ее страхов и т.д. Если перефразировать известную ироническую формулировку 70-х годов («все недовольны, но все голосуют "за"»), можно сказать, что сейчас все недовольны, все "против", но голосуют по-разному, а терпят все.

Впрочем, в подавляющем большинстве случаев недовольство населения направлено на социальные и политические институты, на должностных лиц. Собственное же положение оценивается более спокойно. По данным сводного мониторинга 1994-1999 годов, своим положением в обществе удовлетворены ("вполне" и "скорее") 52% против 34% "вполне" и "скорее" неудовлетворенных. Однако материальным положением своей семьи удовлетворены только 16% против 82% неудовлетворенных. "Своей жизнью в целом" удовлетворены 45% против 48%.

Является ли настроение "всеобщего" недовольства сугубо современной характеристикой общественного состояния России? Или его можно отнести к каким-то исторически закрепленным особенностям национальной психологии, российского народного характера или чего-то в этом роде? Если оставаться в пределах возможностей социологического понимания исторических феноменов, правомерно допустить, что настроения всеобщего и диффузного недовольства - неперенный продукт всякой "эпохи перемен", когда традиционные рамки существования подорваны, а новые ориентации не ясны, средства для их реализации отсутствуют, иллюзии разрушаются и т.д. Для различных слоев российского общества (а затем и для всех его групп) такие сдвиги происходят на протяжении последних двух-трех сотен лет.

Правомерно выделить три основных параметра направления трансформации современного общественного недовольства в определенные активные действия: "экономическое", "политическое" и "национальное". (Некоторая условность такого разделения будет рассмотрена позже.)

Готовность протестовать *"против экономической политики и падения уровня жизни"* отмечается в исследованиях чаще всего. По сводному мониторингу 1994—1999 годов, за этот период в среднем 27% считали возможными массовые выступления в своем городе или сельском районе "против роста цен и падения уровня жизни", 56% считали такие выступления маловероятными, 17% затруднились ответить. В среднем за указанный период 23% опрошенных (против 60%) утверждали, что могли бы принять участие в таких выступлениях.

Данные опросов показывают, что из года в год снижается "запас терпения", однако даже заявленный потенциал протеста изменяется довольно мало. После пиковых значений, явно связанных с переживанием финансово-экономического обвала августа 1998 года, показатели экономического недовольства постепенно возвращаются к докризисному состоянию. Причем есть существенная разница между заявленными намерениями опрошенных участвовать в акциях протеста и реальным участием в них:

оно всегда было значительно меньше заявленного. Так, накануне шумно готовившейся всероссийской акции протеста 7 октября 1998 года около 10% заявляли о готовности участвовать в забастовках и временных приостановках работы. На деле (по опросным данным) участвовало в таких действиях не более 3%.

Отметим некоторые особенности протеста, который отнесен к экономической сфере. *Во-первых*, чаще всего он направлен не против конкретных владельцев и конкретных экономических условий производства на данном предприятии, в данной отрасли, а против "власти" и ее "экономической политики". *Во-вторых*, эти претензии, как бы демонстративно они не выражались (марши "пустых кастрюль" в начале реформ или шахтерские пикеты у здания правительства в 1998 году), по смыслу своему не выходят за рамки прошения, посланного к властным структурам. И *в-третьих* - что, пожалуй, наиболее важно отметить - выдвигаемые требования, за немногими исключениями, направлены не на повышение уровня оплаты или улучшение условий труда (что характерно для западных стран), а всего лишь на выполнение старых обязательств - в основном по своевременности оплаты труда.

Если в классической традиции либеральной (да и марксистской) мысли рабочее движение со своими экономическими требованиями считалось одним из факторов технического и социального прогресса, то в нашей реальности такого просто не наблюдается: с помощью массовых выступлений защищают себя "старые" - советские, патерналистски-распределительные структуры хозяйства. Значительная часть экономических протестов - это борьба за "образ прошлого". При отсутствии способов и организационных средств реальной борьбы за расширение своих прав и улучшение условий массовый протест неизбежно укладывается в наиболее привычные (отнюдь не "стихийные", как считалось когда-то) формы. Сказанное подтверждают и приобретшие в последние годы шумную известность акции захвата предприятий, которые совершались руками профсоюза, стачкома в интересах старых владельцев или администраторов.

Что касается протеста против *политических институтов*, то он носит преимущественно консервативный и популистский характер - это настроенческий, воображаемый бунт с позиций прошлого, организатором которого выступают люди старой элиты.

Предпринятая М. Горбачевым попытка реформировать партийно-советскую систему запоздала на 30-50 лет, а потому и привела к неожиданному обвалу всей конструкции. По своему складу и составу советская "партия власти" оказалась неспособной стать "партией прогресса", но и никакая иная структура для исполнения этой функции не была пригодна. В итоге "партия власти" вынуждена - в интересах самосохранения - продолжать "линию" (точнее, просто инерцию) реформ, лишенных программы и содержания.

Инициаторы реформ не были способны ни собрать в какую-то силу новую просвещенную и реформистскую элиту, ни убедить массового человека в том, что состояние, именуемое (слишком торжественно и малопонятно) реформами, может быть полезно и выгодно ему. В качестве единственной опоры им пришлось использовать ненадежные институты и рычаги существующей президентской власти, а тем самым оказаться заложниками этих институтов. Результат - дискредитация демократических сил и превращение их в маргиналов политической сцены.

Параллельно произошли существенные изменения в позициях консервативной (коммунистической) оппозиции. Имея довольно крупный и стабильный электорат, КПРФ фактически претендует не на власть, но лишь на позицию "группы давления" на нее и неизменно поддерживает власть во всех принципиальных ситуациях - утверждении премьер-министров, принятии бюджетов, кавказской политике и пр. Искусственно раздутое противостояние "правых" и "левых" 1995-1996 годов утрачивает смысл и превращается к 1999 году в "борьбу за центр" политического поля. Причем, как приходилось отмечать ранее, "центральной" считается всего лишь позиция отмежевания от "крайностей". В этой ситуации характерную эволюцию пре-

терпевает популизм как политика завоевания массовой поддержки, которая используется практически всеми политическими течениями (за исключением демократически-элитарного).

На таком фоне эволюционируют настроения и акции политического протеста конца 90-х годов. Массовое эмоциональное недовольство, направленное против партийно-советской системы в 1989-1990 годах, после 1993-1994 годов уступает место не менее эмоциональному и значительно более массовому разочарованию в демократических силах и реформах. Но последовавшая за этим довольно широкая поддержка "левой" оппозиции не находит практического выхода и шаг за шагом превращается в надежды на поддержание современного *status quo*, именуемого "центризмом".

Представленная ситуация обессиленных и исчерпывающих себя конфликтов и протестов, приводящих к вынужденным компромиссам, могла бы найти свое продолжение до самих выборов в Думу 1999 года или даже позже, - если бы над этими выборами и всей политической жизнью страны не нависала необходимость смены президента и фактически самого типа президентского режима в 2000 году. Связанная с этим "большая" политическая интрига по своему значению несравнима с перипетиями межпартийной конкуренции предвыборных месяцев. Отсюда и выдвижение фигуры В. Путина как сильного премьера с президентским прицелом, опирающегося не на возможный баланс политических и парламентских сил, а непосредственно на *массовую национальную мобилизацию*. Последний термин заслуживает особого рассмотрения.

Самая напряженная у нас зона недовольства, протестов и открытых, в том числе силовых, конфликтов - национально-государственная. Именно на этом поле потерпела решающее поражение вся советская партийно-государственная машина в 1988-1991 годах. (Существует определенная, хотя и неполная историческая аналогия с крушением на подобном же поле российской монархии.) Термин "национальный" в данном контексте, естественно, имеет смысл *национально-государственного*, а не этнического или межэтнического. Фактор общенациональной интеграции - как политической и экономической, так и моральной сплоченности (в терминологии Э. Дюркгейма), - важный для существования любого государства, неизменно становился болезненно-важным в ситуациях кризиса государственных образований имперского типа. О национальном комплексе в указанном смысле - или комплексе национально-государственной идентификации - можно говорить как о некоторой системе взаимосвязанных ценностей и установок, ожиданий и символов, поведенческих и эмоциональных стандартов, которые разделяются "всеми", т.е. достаточно большой частью населения, принадлежащего к разным социально-статусным, политическим и прочим группам.

Исследования подтверждают, что комплекс национальной идентификации может поддерживаться как "внутренними" (общность жизни, хозяйства, отсылки к "своей" истории и традиционным символам), так и "внешними" (отмежевание, противопоставление по отношению к "чужим") факторами. Причем в ситуации слабости внутренних связей - нечто подобное приходится переживать сейчас российскому обществу - возрастает и даже гипертрофируется роль второго из названных, т.е. "внешнего" самоутверждения. Перевод национального комплекса в возбужденное, "активированное" состояние сейчас практически невозможен без апелляции к внешней угрозе и инкарнации внешнего врага. Обращение к этому испытанному историей средству происходит с двух сторон - как "сверху", со стороны властных структур, так и "снизу", со стороны массового сознания.

Судя по всем данным, действенным оказался примитивный, но сильный фактор - *страх* перед вездесущими и неуловимыми (как представляется) террористами. Обычный человеческий массовый страх за собственную жизнь, за личную безопасность, жилище, имущество. Очевидно при этом, что в одной связке с терроризирующим страхом оказались такие давние, как бы заранее приготовленные ком-

поненты негативной мобилизации общественного мнения, как отрицание "западного вмешательства" и стыд за получение "западной помощи", возмущение "засильем кавказцев" на столичных рынках и т.д. И, разумеется, универсальное - не только военной элите присущее - стремление вытеснить из исторической памяти переживание военно-политического поражения 1996 года.

Думаю, в данной связи уместно вспомнить и ситуацию совсем иного плана и значения - отношение к проблеме "перемещенных" (т.е. присвоенных в качестве военных трофеев) художественных ценностей. Несмотря на довольно упорное противодействие правительственных структур, связанных определенными международными нормами и обязательствами, и в общественном мнении, и в обеих палатах российского парламента безоговорочно возобладала простая и вечная концепция отмщения за нанесенную обиду ("око за око", "кража за кражу", "десять за одного" и т.д.). Отзвуки давней конфронтации предметно доказали, насколько далеки от цивилизованных стандартов готово быть российское общественное мнение, даже когда мобилиующим его фактором служит только направленная историческая память.

На старте второй чеченской войны "механизм отмщения" был запущен - притом чрезвычайно успешно - уже с использованием всей мощи государственных структур и масс-медиа. Простой, умело (или случайно - не столь важно, в принципе) направленный страх оказался более сильным возбудителем, мобилиующим общественное мнение, чем все вызовы имперского комплекса или государственного сознания.

Основную роль во всякой ситуации негативной мобилизации общественного мнения играет "комплекс врага", от которого когда-то безуспешно пытались чисто словесно избавиться инициаторы перестройки. Этот комплекс обстоятельно разработан и испытан в ходе формирования "человека советского", черты которого не утратили своего значения и по сей день. С врагом можно поступать "вражески", не стесняясь никакими рамками законности или гуманности. Подозрение может приравняться к приговору, исполнение наказания предшествовать суду и следствию, массовое устрашение - заменять поиски конкретных виновников в т.д.

Вся эта атрибутика политической мифологии многократно описана и обличена, однако она не может выйти из употребления, пока общество (именно общество и общественное мнение, а не только официально-воинственная пропаганда) нуждается в комплексе врага, бережно его хранит и активно использует. Прежде всего - для самоопределения, для того, чтобы носителем вины непременно оказывался некто чужой и враждебный.

В процессах социально-политической мобилизации осени 1999 года примечательна трансформация первоначального (относящегося к 1994-1995 годам) "демократического" протеста против тогдашних военных акций в Чечне в практически безоговорочную поддержку значительно более жесткого курса. Поскольку здесь речь идет не о массовой реакции, а о поведении весьма квалифицированной политической элиты, то в мотивационном ряду на первый план выступают, видимо, не упомянутые выше пароксизмы "простого страха", а более сложные факторы политических расчетов и зависимостей. Это серьезно влияет на всю картину оценки общественным мнением происходящих событий: лишенный артикуляции слабый антивоенный протест превращается в неслышимый. Причем в данном случае нынешний "приговор" общественного мнения имеет обратную силу, т.е. задним числом оправдывает те акции пятилетней давности, которые еще недавно оценивались как трагически ошибочные или просто преступные.

Итак: принципиальная слабость всех форм и направлений протестных акций, которые можно наблюдать в российском обществе, определяется не какими-то случайными, ситуативными моментами, а таким их качеством, как слабая структурированность общества. Ни общественные потрясения, ни околополитические страсти и интриги последних лет не привели к формированию устойчивых политических разделений, независимых от вертикали власти элитарных структур, суверенности человека по отношению к власти. Сама возможность моментальной социальной моби-

лизации ("негативной" мобилизации), которую продемонстрировало общество осенью 1999 года - убедительное подтверждение того, что оно недалеко ушло от образцов механической "монолитности", которая поддерживала абсолютную власть и позволяла безоглядно собой манипулировать. Никакой общественный протест не может быть эффективным, если он не артикулирован, не опирается на определенную структуру сформировавшихся общественных интересов, групп, институтов. И пока эта ситуация не изменится принципиально, социальный протест будет укреплять ресурсы социального терпения.

Человек лукавый: двоемыслие по-русски

Согласно данным последней волны исследования "Советский человек", только 3% опрошенных в марте 1999 года полагали, что на выборах в нашей стране побеждают "более достойные": по мнению 83% побеждают "более ловкие". (Такое распределение суждений присуще, с небольшими колебаниями, всем социальным слоям и политическим группам — без каких-либо исключений.) Сразу же после выборов в Государственную Думу 1999 года 50% опрошенных оценили их как "не очень честные" или "совсем нечестные". И тем не менее в том же опросе большинство (55% против 27%) выразили удовлетворение их результатами. Представляется, что объяснение этого явного - и весьма типичного! - парадокса отечественного массового сознания следует искать в самом характере используемых им критериев, стандартов оценки социальных процессов и событий, т.е. действующего в наличных условиях нормативного поля человеческого существования.

Как показывают наблюдения и исследования, это поле многомерно: в нем одновременно сосуществуют различные критерии, точки отсчета, системы координат нормативных оценок - допустимого, полезного, правильного и т.д. Кроме того, сами такие критерии, как правило, оказываются условными и размытыми. Это не жестко определенные императивы, а, скорее, рамки допустимого, относительно терпимого ("можно терпеть", "не самое худшее зло" и т.п.). Подобный характер нормативного поля человеческого существования формирует лукавые типы поведения и характерные черты их носителя - "человека лукавого". Он приспосабливается к социальной действительности, ищет допуски и лазейки в ее нормативной системе, т.е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней "правила игры", и в то же время - что не менее важно - постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила. Это вынуждает его постоянно оправдывать собственное поведение то ли ссылками на необходимость самосохранения, на пример "других", то ли апелляциями к нормативным системам иного ранга ("высшие интересы" и т.п.). Непрестанная смена общественных настроений "эпохи перемен" - смена увлечений и разочарований, взлет и падение персональных рейтингов и т.п. - служат показателями заведомой легковесности каждого выбора, заложенной в нем доли лукавого самообмана.

Конечно, лукавое стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных) может быть обнаружено у людей всех времен и народов. Когда, скажем, опрос показывает, что среди современных россиян только 11% могут сказать, что "никогда никому не лгали", а 32% - "не брали чужого без разрешения", перед нами один из простейших типов человеческого лукавства, имеющий универсальное распространение. В его основе - разнородность самих нормативных полей (социальных, групповых, ролевых и пр.), определяющих ориентации и рамки деятельности человека. Нас же интересуют более специфические типы и структуры "лукавого" поведения, связанные с особенностями функционирования собственно социальных норм в соответствующих исторических и национально-государственных условиях - скажем, уклонение от гражданских обязанностей или от соблюдения правил уличного движения.

Доминирующий в настоящее время в российском обществе вариант нормативного "полицентрического релятивизма" сформировался на пересечении нескольких исто-

рически наслаивавшихся друг на друга разломов регулятивных структур. Незавершенный процесс модернизации России породил несчетные варианты нормативных конфликтов на всех уровнях человеческого существования и самосознания. На этой почве, в частности, выросла вся великая литература прошлого века, выражавшая противостояние "правды-истины" и "правды-справедливости", правды "маленького человека" и правды "державы", спасения человечества и "слезы ребенка" и т.д. В этой ситуации лукавый человек почти неизбежно становился несчастным человеком.

Советская эпоха декларировала новую, универсальную по своему значению и абсолютную по своим источникам (от имени и по поручению исторического прогресса...) нормативно-ценностную систему, призванную заменить или подчинить себе все существующие. На деле она лишь меняла знаки и термины в некоторых нормативных полях и надстраивала над ними еще одно. Формула "нравственно то, что полезно..." (в декларативных вариантах- "трудовому народу", "делу коммунизма" и т.п., в реальном значении - "что соответствует планам и указаниям свыше") возводила в абсолют сугубо утилитаристскую нормативную систему. Универсально-значимая и всеобъемлющая нормативно-ценностная система в реальности обернулась множественностью критериальных рамок - "большой" и "малой" правды, "истинного" и "должного", перспективных и сиюминутных интересов, и т.д.

Одна из важнейших ее особенностей состояла в принципиальной невыполнимости предъявляемых к человеку требований. Невозможно было принимать повороты политической конъюнктуры за веления "истории". Никому не удавалось "отдавать все силы на выполнение пятилетнего плана". Невозможно было выполнять "грандиозные планы" без приписок, блата, "выбивания" дефицитных ресурсов и т.д. Отсюда - формирование "человека лукавого" на советский манер. Абсолютное насилие порождало абсолютную готовность к лукавому приспособлению. Лишенный возможностей для сопротивления человек торжественно или молчаливо соглашался с императивными предписаниями и настойчиво искал лазейки, позволяющие их обойти.

Успех этой системы (на долгие десятилетия по крайней мере) был бы невозможен, если бы она опиралась только на массовое принуждение и массовый обман. Сейчас ясно, насколько наивными были представления 60-80-х годов о надувательстве народа со стороны всезнающей и предельно циничной партийно-политической верхушки (в духе изображенного Дж. Оруэллом механизма "двомыслия"). Лукавый человек - на всех уровнях, во всех его ипостасях - не только терпит обман, но готов обманываться, более того - постоянно нуждается в самообмане. Для того же (в том числе психологического) самосохранения, для преодоления собственной раздвоенности, для оправдания собственного лукавства. "Нас возвышающий обман" - не только точная поэтическая формула. Весь механизм советской системы формировал и "лукавых рабов" (по очень точному выражению Т. Заславской), и не менее "лукавых господ". И те и другие лукавили друг перед другом и перед самими собой.

В условиях всеобщего лукавства исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку (типа "делаем вид, что работаем - делаем вид, что платим"). Сам же такой императив предельно персонализируется (общественный договор редуцируется до "договора" нарушителя с трамвайным контролером).

Существование и взаимодействие различных нормативных полей со своими критериями дозволенного-недозволенного, одобряемого-неодобряемого присущи разным общественным системам, в которых имеется разграничение будничного и праздничного, своего и чужого, приватного и официального, и т.д. "Советская" специфика (вполне сохраненная и ныне) состоит в том, что разграничения нормативных "полей" размыты, смазаны. Лукавое сознание легко переходит условные барьеры, находит многочисленные лазейки в предписаниях - короче говоря, ведет игру "без правил". После крушения советской системы лукавство с обеих сторон просто вышло наружу.

Лукавое поведение стагнирующей эпохи - преимущественно адаптация к стабильным структурам, карьеризм, основанный на конформизме. "Эпоха перемен" изменяет характер адаптивности. Неустойчивость всех структур, включая властвующую

щие, теневые, группы давления и поддержки и т.д. создает условия для краткосрочных "пирамид" (не только финансово-экономических, но и политических, на разных этапах иерархии власти) и быстротекущих карьер. Отсюда - востребованность соответствующих человеческих, личностных типов, прежде всего, "человека ловкого", способного пользоваться переменчивой ситуацией с пользой для себя, менять взгляды и пристрастия применительно к текущей конъюнктуре.

Как показывают исследования, в общественном мнении отсутствуют жесткие разделительные линии, разграничивающие сферы одобряемого и неодобряемого поведения. Это относится и к выполнению различного рода социальных обязанностей. Рассмотрим внимательнее данные таблицы 3. Используемый в последнем столбце условный "индекс нормы" имеет *наименьшее* числовое значение в отношении наиболее "государственной" обязанности военной службы. Можно полагать, что это связано с происходящими в последние годы процессами "разгосударствления" человека - ослабления идентификации с государственными институтами и символами. (Отсюда и новейшие призывы к укреплению государственности через возрождение армии и военной мощи в ходе силовых авантюр и карательных экспедиций. Полученные в исследовании данные позволяют судить, на какую почву попадают такие призывы.)

Весьма примечательно, что для возрастных групп до 40 лет уклонение от воинской обязанности представляется вполне оправданным: чем ближе к призывному возрасту, тем больший перевес мнений о правомерности избежать исполнения священного долга. У самых молодых, непосредственно подлежащих призыву, неисполнение такого долга в два с лишним раза чаще оправдывается, чем осуждается. Держателем нормы здесь (как, впрочем, и по другим приведенным позициям) является самая старшая возрастная группа.

Уровень образования оказывает аналогичное влияние на показатели допустимости уклонения от воинской обязанности - чем выше образование, тем ниже "индекс нормы", а у высокообразованных уклонение чаще оправдывается, чем осуждается. Урбанизационная шкала столь прямой зависимости не обнаруживает. Менее всего обязательной представляется военная служба в больших городах, лучше - в селах, в Москве и (максимум одобрения!) в малых городах. Правда, в среде москвичей наибольшая доля осторожных оценок типа "отчасти предосудительно" и меньше всего категорических оценок. В городской среде происходит "сшибка" просвещенной терпимости и идеологической нетерпимости к уклонению от службы в армии.

Наибольшая величина "индекса нормы" из приведенных в таблице позиций относится к извечной проблеме "несунов". Возможно, это обусловлено просто тем, что в бездефицитной экономике привычный (со времен чеховского злоумышленника) компенсаторный механизм в значительной мере утратил свое значение. Но не исключено и другое: самый распространенный и фактически самый терпимый в советское время способ получения дополнительного дохода работниками скрывается чисто лицемерно, из лукавого стремления выглядеть "приличнее".

Неуплата налогов - самый современный из социальных "грехов", неведомый в эпоху государственного хозяйства. Осуждается они всеми категориями старше 40 лет, но считается скорее терпимым у более молодых. Держатель нормативного стандарта, как и в других позициях, - самые старшие, у которых "индекс нормы" заметно выше, чем у других групп. Уровень образования, по-видимому, связан и с распространенностью "рыночного" лукавства, поэтому малообразованные осуждают неуплату значительно резче, чем высокообразованные.

В таблице 4 приведены сводные данные об оценке населением допустимости нарушений ряда других социальных норм. Как видим, решительное осуждение вызывают нарушение частных обязательств (не платить долги), неоплата покупок ("шоплифтинг") и такое экзотическое событие, как сокрытие найденного клада. Сокрытие дохода осуждается довольно сдержанно, а такие действия, как операции с "левой" продукцией, вообще осуждаются редко.

Насколько допустимо нарушать социальные обязанности (в ')

Насколько допустимо, по-Вашему...	Недопустимо	Крайне предосудительно	Отчасти предосудительно	Ничего предосудительного	"Индекс нормы"*
(...) Уклоняться от службы в армии					
Всего	28	15	25	23	1,21
в том числе:					
18-24 года	15	13	27	35	0,43
25-39 лет	23	10	25	33	0,70
40-54 года	26	13	31	21	1,23
55 лет и старше	40	22	19	9	4,40
Высшее образование	22	11	29	29	0,76
Среднее образование	28	11	24	25	1,12
Образование ниже среднего	30	20	23	19	1,58
Москва	27	5	29	23	1,17
Большой город	24	12	27	26	0,92
Малый город	31	17	22	22	1,40
Село	25	16	25	22	1,14
(...) Не платить налоги					
Всего	25	24	28	14	1,79
в том числе:					
18-24 года	19	22	29	24	1,11
25-39 лет	20	19	35	18	1,06
40-54 года	24	23	29	12	2,00
55 лет и старше	33	30	20	4	8,25
Высшее образование	20	20	39	13	1,54
Среднее образование	23	22	29	16	1,44
Образование ниже среднего	28	27	23	11	2,54
Москва	40	19	28	9	4,44
Большой город	24	22	28	15	1,60
Малый город	24	25	28	16	1,50
Село	22	25	29	И	2,00
(...) "Выносить" что-либо с предприятия					
Всего	31	25	23	8	3,88
в том числе:					
18-24 года	22	23	22	15	1,47
25-39 лет	26	22	29	10	2,60
40-54 года	32	27	23	7	4,57
55 лет и старше	39	29	19	3	13,00
Высшее образование	36	26	25	6	6,00
Среднее образование	30	22	26	8	3,75
Образование ниже среднего	31	29	19	9	3,44
Москва	47	21	16	13	3,61
Большой город	33	27	22	7	4,71
Малый город	30	28	23	8	3,75
Село	26	21	26	8	3,25

* Соотношение крайних позиций ("недопустимо": "ничего предосудительного"). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Степень допустимости нарушения социальных норм (в %)

Насколько допустимо, по-Вашему...	Недопустимо	Крайне предосудительно	Отчасти предосудительно	Ничего предосудительного	"Индекс нормы"
Ездить в транспорте без билета	16	18	37	21	0,76
Скрывать часть доходов, чтобы не платить налоги	25	24	28	14	1,79
Не возвращать долги	57	26	9	3	19,00
Скрыть от государства найденный клад	16	16	26	15	1,07
Покупать вещи и продукты, "вынесенные" с предприятия	14	17	31	22	0,63
Покупать "левою" продукцию	12	14	28	28	0,43
Не заплатить за покупку в магазине	55	26	10	4	13,75

Обратимся теперь к серии данных о самой сложной форме лукавого поведения - когда человек вынужден лукавить с самим собой. В таблице 5 обобщены результаты ответа на вопрос: "Приходилось ли Вам когда-либо поступать вопреки тому, что Вы считаете правильным, справедливым?", полученных в ходе исследования по программе "Советский человек" за 1989 и 1999 годы.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в целом лукавства в поведении людей за последние десять лет стало больше. Не 17%, а только 12% утверждают теперь, что им никогда не приходилось поступать "вопреки" собственным представлениям о праве и справедливости. За исключением молодых работников 25-39-ти лет (что, конечно, очень важно) и, в небольшой мере, самых пожилых, все остальные группы отмечают, что кривить душой приходится чаще. Но произошли изменения в соотношении факторов, которые побуждают людей так поступать.

Значительно реже в 1999 году отмечается такой побудительный фактор лукавства, как давление со стороны "начальства". Заметное исключение здесь - сами начальники, т.е. руководители, директорский корпус: у них значение сделок с совестью под давлением "сверху" осталось на прежнем уровне (32% и 31% - наиболее высокий показатель по всем группам!). Это относится также к работникам старшего возраста и служащим. Реже ссылаются на давление начальства специалисты, рабочие, пенсионеры. Учащиеся, как и вся молодежь, и раньше редко вынуждены были оглядываться на волю начальников, а сейчас делают это еще реже.

В то же время заметно возросла доля считающих, что им приходится кривить душой "для пользы дела", как будто начальственная воля превратилась в некий обобщенный корпоративный интерес. Вероятно, это отражает тенденцию растущей идентификации человека с предприятием, фирмой, т.е. новым субъектом игры на социальном поле (и, соответственно, субъектом лукавого поведения). Особенно сильно выросла доля ссылок на "пользу дела" у руководителей, специалистов, а также среди самых молодых при отсутствии изменений у пенсионеров и малообразованных.

С процессом "разгосударствления" или "приватизации" человека, очевидно, связано увеличение частоты ссылок на давление *семьи*. Заметных различий между группами здесь почти нет. Ссылки на принуждение со стороны *коллектива* несколько чаще, но

Соответствие реальных поступков представлениям о правде и справедливости (в ')

Поступали ли Вы когда-либо вопреки тому, что считаете правильным, справедливым	Никогда		Да, из-за коллектива		Да, из-за начальства		Да, из-за семьи		Да, для пользы дела		Да, из-за слабости		Да, из-за страха		Постоянно		Затруднились ответить	
	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999
Всего	17	12	4	6	18	13	5	16	24	32	13	15	4	9	6	4	21	20
в том числе:																		
до 25 лет	18	10	5	7	8	6	6	18	23	39	20	23	4	9	6	4	20	18
25-39 лет	12	30	3	6	23	14	5	19	23	35	12	17	3	11	8	4	20	18
40-59 лет	20	9	3	6	18	19	7	14	20	33	13	15	3	11	5	6	24	20
60 лет и старше	20	23	6	6	16	10	3	13	29	23	8	9	7	6	5	2	18	25
Высшее образование	14	8	8	7	24	21	5	16	26	39	18	21	7	10	5	4	18	13
Среднее образование	17	11	3	5	19	14	4	16	24	35	13	15	3	11	8	4	19	18
Образование ниже среднего	18	6	4	7	13	10	7	16	24	25	11	14	4	8	5	4	26	25
Предприниматель	-	17	-	13	-	3	-	20	-	55	-	15	-	5	-	7	-	3
Руководитель	19	10	7	3	32	31	4	14	31	60	11	9	2	11	0	2	9	7
Специалист	13	9	5	7	22	18	7	14	24	37	19	21	6	14	6	1	17	15
Служащий	24	11	5	16	17	16	5	17	22	36	13	21	3	12	8	2	15	8
Рабочий	14	9	2	7	19	14	5	15	23	29	13	16	4	10	6	5	24	21
Учащийся	18	5	8	6	4	3	10	26	30	43	29	27	5	7	2	7	17	10
Пенсионер	20	21	2	5	16	10	3	13	25	26	5	8	6	8	5	2	26	25

остаются довольно редкими. В большей мере упоминают этот фактор предприниматели и служащие (видимо, речь идет о корпоративных интересах персонала).

Несколько неожиданный и трудно объяснимый феномен - более частые ссылки на необходимость поступать по принципам из-за страха за родных и близких. Об этом говорят во всех группах опрошенных. В какой-то мере это иной поворот указанного выше роста "семейного" давления. Кроме того, видимо, сказывается общая атмосфера обостренного переживания страхов в обществе.

Процент отмечающих, что кривить душой им "приходится постоянно", был небольшим десять лет назад и снизился по всем наблюдаемым группам (всего с 6% до 4%). Правда, за то же время примерно на столько же выросла частота ссылок на уступки, вызванные "собственной слабостью" (только руководители не хотят в ней признаваться).

Исследования 1989 и 1999 годов позволяют сопоставить оценки занятий "неприятных" различными группами населения. Здесь, по нашим данным, заметны существенные сдвиги показателей в сторону уменьшения по трем позициям - "командовать другими", "убеждать других в том, во что сам не верю" и (в меньшей мере) "делать то, что не понимаю". Все эти позиции можно считать в высшей мере "идеологически насыщенными" в советский период, откат от них - явное свидетельство отхода общества от старой политизированной модели человеческого поведения.

Кроме того, данные показывают, что необходимость заниматься "общественной работой" (в нынешнем варианте - "политикой") не по душе людям примерно в той же мере, что и 10 лет назад, хотя содержание терминов заметно изменилось. Молодых и высокообразованных такая деятельность тяготит больше, а пожилых и малообразованных, напротив, меньше. Очевидно, имеет значение захватившая часть старших поколений политически-оппозиционная активность. А вот необходимость "подчиняться другим" людям столь же не по душе, как и ранее. По сравнению с ситуацией десятилетней давности она сейчас больше досаждала пенсионерам и малообразованным, несколько меньше - молодежи.

Наблюдения за ростом и спадом надежд на *отечественных политических лидеров* за последние годы (М. Горбачев, Б. Ельцин, Г. Явлинский, А. Лебедь, Б. Немцов, Е. Примаков... далее пока список открыт) заставляют многократно вспоминать известное выражение Н. Бердяева, писавшего о "вечно-бабьем" в русской душе - готовности довериться любому, кто продемонстрирует силу и одарит обещаниями. Само по себе сравнение ничего не объясняет. Увлечение новыми кумирами (и затем довольно быстрое разочарование в них) обусловлено отсутствием внутренней социальной организованности общества. Дальние исторические корни этого феномена можно искать, видимо, в отношениях между государством и населением в старой, "дореформенной" России: пока не работают социальные институты современной цивилизации ("гражданское общество"), масса готова и склонна искать организованности внешней - со стороны самодержавной власти или иной "руководящей силы". В рамках нашей темы затронем лишь одну сторону происходящего - способность множества людей увлекаться персонализированными символами и затем разочаровываться в них. Причем если поначалу фигуры лидеров в массовом сознании символизировали определенные идеи - или, по меньшей мере, привлекательные лозунги, то в дальнейшем предметом символического предъявления становится просто власть. Соответственно, обещания "перевернуть" страну трансформируются в требование "навести порядок".

В этих процедурах регулярных очарований-разочарований настроение масс так или иначе определяется состоянием их "головной части" - более образованной, политизированной, влиятельной, способной задавать образцы поведения для остальных. При всех отечественных пертурбациях последнего времени было заметно (в том числе и по данным массовых опросов), что изменения общественных симпатий прежде всего отмечались именно в этих слоях. "Легковерием" страдает не относительно "темная" масса, а ее "просвещенная" верхушка. Отсутствие социальной организованности и

гражданского сознания - прежде всего черта нашей интеллектуальной и политизированной элиты (в широком смысле слова; речь не идет, естественно, о конкурирующих группировках околовластной "кухни").

Исследования электоральной ситуации в стране (еще во время предыдущего избирательного цикла) показало, что большинство населения не верило предвыборным обещаниям претендентов на должности, не надеялось на то, что они будут выполняться, а потому и не предъявляло претензий к своим фаворитам сразу после выборов. Претензии предъявлялись всегда задним числом - когда фавориты переставали быть таковыми. Здесь два связанных друг с другом вопроса заслуживают особого объяснения: *во-первых*, какие факторы возносят на пьедестал, превращая малоизвестного чиновника или провинциала в фаворита общественного мнения, а *во-вторых*, почему столь легко и быстро общественное мнение расстается с ним.

По крайней мере одно из объяснений может быть связано с изложенными выше соображениями. Массовые увлечения - особенно, если они ориентированы на предельно значимых фаворитов - с самого начала амбивалентны, двусмысленны: искусственно нагнетаемый (не только извне, но и "изнутри", через механизмы самообольщения) демонстративный восторг всегда дополняется скрытым недоверием, черной завистью и т.п. В определенный момент конструкция как бы опрокидывается, скрытое становится доминирующим и демонстративным. Причем каждый такой поворот менее всего связан с реальным опытом и рациональными оценками - ведь очарование очередного фаворита общественного мнения не подкреплено ни массовым опытом, ни знакомством с его деятельностью, программой, идеями ("И ненавидим мы, и любим мы случайно..."). Главным же фактором перемены симпатий служит противопоставление характеристик, которые приписываются "старому" и "новому" избраннику. Например, образ динамичного и решительного Горбачева противопоставлялся образу дряхлого и нерешительного Брежнева, затем решительность Ельцина - нерешительности Горбачева, затем образ более молодых и решительных Лебеда, Немцова, Путина - образу одряхлевшего Ельцина (в ряду подобных парных сопоставлений участвовали и другие фигуры). Отсюда, кстати, и неперменный спутник всех поворотов - "перенос вины" на предшествующую эпоху, власть, персону лидера как средство самоутверждения (и, насколько удастся, самооправдания) каждой новой смены в верхах. Такие трансформации священного образа в проклятый, inferнальный присущи всякому мифологическому сознанию. Непременен присутствующий в общественном мнении "комплекс врага" предполагает амбивалентность значений "своего" - "враждебного" и возможность перемены знаков (но в подавленном и напуганном обществе - преимущественно в одну сторону, т.е. превращения своих во врагов).

В условиях социальной разобщенности, слабости традиционных и групповых межличностных структур человек со своими заботами и опасениями постоянно оказывается одиноким перед властью, социальными институтами, могущественным давлением масс-медиа и общественного мнения. Если он вынужден вести себя "как все" и демонстрировать это публично (в том числе в ответах на вопросы исследователей), он снимает с себя ответственность за разделяемые позиции, но не избавляется от одиночества по отношению к этим "всем". Только 13% опрошенных в 1999 году (в основном молодые люди) указали, что у них "много близких, надежных друзей", в 1989 году такой ответ давали 42%. Сейчас 74% полагают, что они могут вполне доверять лишь одному-двум близким людям.

Российская действительность с неизбежностью транслирует *социально-психологические барьеры и дистанции*, начинающиеся с соседней квартиры и улицы, на масштабы страны с ее отдаляющимися друг от друга регионами. Это ведет к гипертрофии социальной версии "астенического синдрома", неспособности и нежеланию воспринимать "чужие" беды и страдания, более того - к настойчивому стремлению отгораживаться от них. ("Мы живем, под собою не чуя страны..." - эти слова давно приобрели значение универсальной формулы поведения.) Астеническое поведение

лукаво, потому что фактическая ситуация у "других" сегодня известна любому телезрителю неизмеримо лучше, чем когда бы то ни было. Но зритель остается зрителем, и его беспокоит преимущественно опасность самому превратиться в жертву. Действует на зрительскую массу и фактор привыкания к сообщениям о "далеких" несчастьях: та наглядная информация о катастрофах, конфликтах, стихийных бедствиях, которая была в новинку 10 лет назад, стала обыденной.

Ситуация массовой политической мобилизации, массовых войн, массовых жертв - может лишь *укреплять астенический синдром общества*. Когда страдания и жертвы становятся массовыми, люди способны переживать только личные утраты. К тому же доступные общественному мнению масштабы страданий и потерь сегодня в значительной мере определяются могущественным влиянием современных масс-медиа. В эпоху "телевизионной" мобилизации трактовка массовых жертв целиком сосредоточена в руках СМИ и связанных с ним политических комбинаторов - от них зависит, как оценят эти жертвы зрители и избиратели. Поэтому столь силен астенический синдром массового безразличия.

В классическом описании Дж. Оруэлла "двоемыслием" именуется "способность одновременно держать двух противоположных убеждений". "Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, знает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна... Партия пользуется намеренным обманом, твердо держа курс к своей цели, а это требует честности... Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить... все это абсолютно необходимо" [2]. Введя в научный и политический оборот столь плодотворный термин, Оруэлл не рассматривал внутренний механизм сочетания противоположных позиций. Представленную ситуацию можно считать преднамеренно упрощенной в интересах "чистоты" мысленного эксперимента. Он, видимо, сознательно допустил жесткое разграничение цинично-рационального расчета всемогущих "верхов" (в его терминологии - "внутренней партии") и покорности политических "низов" ("внешней партии"). И явно переоценил возможность правящей верхушки ("внутренней партии" в его терминологии) осознанно и сплоченно исполнять роль "коллективного Великого Инквизитора".

На деле же, как показано всей серией разоблачений и признаний, связанных со сменами состава правящих верхов и элит - такого разграничения просто не существует. Сплоченности и рациональности действий "наверху" ничуть не больше, чем на нижележащих ступенях социально-политической пирамиды общества. "Верхи" неизбежно живут по тем же правилам лукавого двоемыслия, что и типичные их подданные, так же лукавят сами с собой, принимая на веру желаемое, и если время от времени вынуждены заявлять о решимости выпутаться из порочного круга, то лишь запутываются еще сильнее. И потому именно политическая элита ("голова") прежде всего разлагалась и коррумпировалась (духовно и нравственно).

Опыт десятилетия российских перемен и перетрясок подтверждает это вновь. Самая яростная критика этого положения "задним числом" (означающая на деле перенос вины на предшественников) не позволяет выйти за рамки круга, очерченного лукавым сознанием. Расчет команды "сменщиков" на то, что безвыигрышная в перспективе военная кампания может принести нужные плоды, - циничен и лукав. Надежды же вчерашних кумиров радикальной демократии на то, что, поддержав этот курс, они сохранят причастность к власти (или обслуживающим ее механизмам), еще в большей мере опираются на лукавое двоемыслие. Выйти за его пределы обществу и его лидерам пока не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 5, 6; 2000. № 1.

2. Оруэлл Дж. 1984. *Даллош Д.* 1985. М., 1992. С. 201.

© Ю. Левада, 2000